

B. Waldenfels

VERFREMDUNG DER MODERNE

Phänomenologische Grenzgänge /

Essener Kulturwissenschaftliche Vorträge.

Bd. 10. Wallstein Verlag, Göttingen 2001, 162 S.

Странность, скорее, нежели чуждость, ожидает уже при самом переводе названия книги, поскольку автор не скрывает источника инспирации при выборе данного заглавия: это формалистский концепт “остранения”, который в немецком варианте обретает дополнительный обертон чуждости. Кроме того, те, кто думают, что речь здесь идет о модерне как историческом периоде и его феноменологической разработке, также горазды попасть пальцем в небо. Нигде напрямую не солидаризируясь с Хабермасом, Лиотаром, Рорти или иными классиками, фиксирующими “состояние современности”, автор тем не менее рискует сталкивать лбами разнообразные новомодные теории, оставаясь при этом в тени. Если время, в которое довелось нам жить, не приводит в ситуацию безвременья эпохи после современности, т. е. постмодерна, то можно, как и Хабермас, полагать, что проект модерна еще не завершен. Однако куда важнее, с точки зрения автора, само описание этого времени, чем его каталогизация, не приведение аргументов за и против модерна и постмодерна, но вопрошание об определенных предпосылках, которые лежат в самих вещах, и не в последнюю очередь в деле чужого.

По глубокому убеждению автора, превращение фигуры Чужого из периферийной темы философского дискурса в одно из центральных понятий, характеризующих современную культуру, определяет диагноз нашего времени. Оно происходит на фоне трех глобальных трансформаций: ниспровержения автономности инстанции Моего Собственного, во-первых, замены всеохватывающего общего порядка на нормативный, ограниченный следованием общеобязательным законам, локальный порядок, во-вторых, и усугубления общего состояния спора, борьбы, в-третьих. В первом случае подразумевается такое открытие сферы самости, которое до всякого самоописания в виде субъекта, индивида и т. д. уже обретается в чувствующем себя Я. Последнее, однако, не покоится более в целостности своего ядра, но обнаруживает в себе фундаментальный разрыв. Во втором случае отказ от целостности “большого” космического порядка, который взаимосвязан со способом своего описания в виде “большого повествования”, мета-нарратива у Ф. Лиотара, обусловлен обнаружением радикальной случайности любого порядка: противопоставление космоса возможному ему альтернативному миропорядку, вопреки прежней оппозиции космос — хаос. Спор же и взаимное противостояние различных порядков указывают на исчезновение общей для них инстанции, которая бы гармонизировала и примиряла всевозможные конфликты внутри своей целостной перспективы. В связи с этим со-

стояние современности позволяет предельно кратко себя выразить именно как проблематизация подобного целостного видения как на уровне человеческого я, так и на уровне миропорядка.

Задавая общую картину современности, автор поднимает вопрос о возможности как такового критического отношения, которое бы не поглощалось полностью предметом собственной критики и не превращалось в его зеркальную оппозицию с изменением полюса с плюса на минус, что, по мнению иного классика – Ж. Деррида, является отличительной чертой логоцентризма. Поэтому собственную критическую позицию автор видит в отказе от любой формы центристской критики в пользу критики многомерной и плюральной, превращающей данное предприятие в интеллектуальную гвериллю, маргинальное скольжение по краям и границам устоявшихся порядков. Она также не может носить тотальный характер, поскольку не имеет ни абсолютного начала, ни конца и не объемлет себя целиком, дозированными и точечными ударами врываясь в дискурс. Именно указание на работу в этом “феноменологическом пограничье” содержится в подзаголовке работы. Насколько подобная партизанская тактика способна приносить ощутимые плоды – вопрос неоднозначный, но как раз в данной стилистике оформлена сама книга. На первый взгляд автономные разделы, преследующие свои партикулярные цели в лице враждебно настроенных проблем, объединяет общая стратегия, ведущий слоган которой: Критическое рассмотрение современности возможно лишь в форме вопрошания чужого, но ни в коем разе не как проблематизация через чужое.

Делая попытку феноменологического описания того, что ускользает от всякого описания, а именно чужого в его модусах данности нашему опыту, автор исподволь приводит к необходимости пересмотра всего несомненного в дискурсе современности – унаследованного разделения на природу и культуру и восприятия политического как изолированной от остальных сферы жизни. В обоих случаях автор не остается одинок в своей критической затее, и ряд цитируемых им авторов весьма репрезентативен, чтобы задуматься о смысле данной ревизии. Как искусственно само разделение на природу и культуру, на культуру и варварство, получившее свой смысл лишь в рамках европейской цивилизации, так и призрачно представление о политике как о занятии ограниченного числа профессионалов, в то время как политическое пронизывает буквально все стороны повседневной жизни, зачастую на бессознательном уровне. Чужое позволяет нам, однако, выйти к границам политического. Если большинство современных теорий стараются выстроить нормативный порядок на основании простой бинарной оппозиции правильного/неправильного, хорошего/плохого, функционального/дисфункционального, то альтернативой нормативизму будет лишь ситуация существования и взаимоперехода упорядоченного и вне-порядкового. Открытым остается вопрос, способно ли чужое на самом деле выступить в качестве действенной альтернативы привычному порядку и не превратиться в его зеркальное подобие, дабы последующему поколению феноменологов не пришлось вновь воззвать: “Король умер, да здравствует король!”

П. Барковский